ВНЕКЛАССНОЕ ЧТЕНИЕ

И. А. Крылов

БАСНИ

ПРОИЗВЕДЕНИЯ ПЕЧАТАЮТСЯ БЕЗ СОКРАЩЕНИЙ

Басни

Иван Андреевич Крылов

Аннотация
Иван Крылов. Басни
М. А. Мельниченко. Путь к басне
Кукушка и Петух
Стрекоза и Муравей
Мартышка и Очки
Ларчик
Слон и Моська
Квартет
Лисица и Виноград
Ворона и Лисица
Свинья под Дубом
Волк и Ягнёнок
Трудолюбивый Медведь
Мышь и Крыса
Осёл и Соловей
Щука и Кот
Туча
Осёл и Мужик
Волк и Кот
Демьянова уха
Кот и Повар

Петух и Жемчужное Зерно
Зеркало и Обезьяна
Белка
Филин и Осёл
Щука
Листы и Корни
Скворец
Любопытный
Волк и Журавль
Мешок
Две Собаки
Водопад и Ручей
Тришкин кафтан
Чиж и Голубь
Бумажный Змей
Волк на псарне
Обезьяна
Пчела и Мухи
Волк и Лисица
Обоз
Слон на воеводстве
Синица
Свинья
Лебедь, Щука и Рак
Собака и Лошадь
Кукушка и Орёл

Аннотация

Вот уже более двухсот лет басни И. А. Крылова читают и любят и взрослые, и дети. В книгу вошли самые известные басни: «Ворона и Лисица», «Слон и Моська», «Квартет», «Стрекоза и Муравей», «Зеркало и Обезьяна» и другие, без которых представить себе русскую культуру совершенно невозможно.

Иван Крылов
Басни

М. А. Мельниченко
Путь к басне

И. А. Крылов, «дедушка Крылов», вошёл в русскую литературу как великий баснописец. Ни до него, ни после никто не превзошёл его в этом жанре. Однако сам он далеко не сразу отыскал свою нишу, и его путь к славе оказался долгим и непростым.

Иван Андреевич Крылов родился 2 (13) февраля 1769 года в Москве в семье армейского офицера. В отличие от других поэтов начала XIX века, Г. Р. Державина, А. С. Пушкина, В. А. Жуковского, И. А. Крылов не получил хорошего образования, но зато с детства много читал, а ещё немало времени проводил среди простого народа, подмечая обычаи, нравы, впитывая живой русский язык. Когда отец умер, Крылов с матерью переехал в Петербург. Здесь он увлёкся театром, писал пьесы, издавал журналы и заслужил репутацию насмешника и вольнодумца. В духе идей эпохи Просвещения он верил, что человеческие пороки, как болезни, нужно выявлять и искоренять, и надеялся, что читатель, увидев в зеркале сатиры

свои пороки, посмеётся над ними и станет чуточку лучше. Однако, очевидно, не всем понравилось своё отражение, и Крылову пришлось провести несколько лет вдали от столицы.

В 1806 году он вернулся в Петербург, и тут наконец ему улыбнулась удача. Почти сорокалетний Крылов взялся за басни: сначала перевёл несколько произведений французского баснописца Лафонтена, а вскоре стал создавать свои собственные. Лёгкие, остроумные, мудрые, они принесли поэту настоящую всенародную славу. До самой старости Крылов служил в Публичной библиотеке, писал басни и создал их больше двухсот. Скончался он 9 ноября 1844 года, а в 1855 году в Летнем саду Санкт-Петербурга был установлен памятник Крылову, существующий и по сей день. И поставлен он был на деньги благодарных читателей, полюбивших его басни всей душой, как наверняка полюбишь их и ты.

Кукушка и Петух

«Как, милый Петушок, поёшь ты громко, важно!» —

«А ты, Кукушечка, мой свет,

Как тянешь плавно и протяжно:

Во всём лесу у нас такой певицы нет!» —

«Тебя, мой куманёк, век слушать я готова».—

«А ты, красавица, божусь,

Лишь только замолчишь, то жду я, не дождусь,

Чтоб начала́ ты снова…

Отколь такой берётся голосок?

И чист, и нежен, и высок!..

Да вы уж родом так: собою невелички,

А песни, что твой соловей!» —

«Спасибо, кум; зато, по совести моей,

Поёшь ты лучше райской птички,

На всех ссылаюсь в этом я».

Тут Воробей, случась, примолвил им:
«Друзья!
Хоть вы охрипнете, хваля друг дружку,—
Всё ваша музыка плоха!..»

За что́ же, не боясь греха,
Кукушка хвалит Петуха?
За то, что хвалит он Кукушку.

Стрекоза и Муравей

Попрыгунья Стрекоза
Лето красное пропела;
Оглянуться не успела,
Как зима катит в глаза.
Помертвело чисто поле;
Нет уж дней тех светлых боле,
Как под каждым ей листком
Был готов и стол, и дом.
Всё прошло: с зимой холодной
Нужда, голод настаёт;
Стрекоза уж не поёт:
И кому же в ум пойдёт
На желудок петь голодный!
Злой тоской удручена,
К Муравью ползёт она:
«Не оставь меня, кум милой!
Дай ты мне собраться с силой
И до вешних только дней
Прокорми и обогрей!»

– «Кумушка, мне странно это:
Да работала ль ты в лето?» —
Говорит ей Муравей.
«До того ль, голубчик, было?
В мягких муравах у нас
Песни, резвость всякий час,
Так, что голову вскружило».
– «А, так ты…» – «Я без души
Лето целое всё пела». —
«Ты всё пела? Это дело:
Так поди же, попляши!»

Мартышка и Очки

Мартышка к старости слаба глазами стала;
А у людей она слыхала,
Что это зло ещё не так большой руки:
Лишь стоит завести Очки.
Очков с полдюжины себе она достала;
Верти́т Очками так и сяк:
То к темю их прижмёт, то их на хвост нанижет,
То их понюхает, то их полижет;
Очки не действуют никак.
«Тьфу пропасть! – говорит она, – и тот дурак,
Кто слушает людских всех врак:
Всё про Очки лишь мне налгали;
А проку на-волос нет в них».
Мартышка тут с досады и с печали
О камень так хватила их,
Что только брызги засверкали.

К несчастью, то ж бывает у людей:
Как ни полезна вещь, – цены не зная ей,
Невежда про неё свой толк всё к худу клонит;
А ежели невежда познатней,
Так он её ещё и гонит.

Ларчик

Случается нередко нам
И труд и мудрость видеть там,
Где сто́ит только догадаться
За дело просто взяться.

К кому-то принесли от мастера Ларец.
Отделкой, чистотой Ларец в глаза кидался;
Ну, всякий Ларчиком прекрасным любовался
Вот входит в комнату механики мудрец.
Взглянув на Ларчик, он сказал: «Ларец с секретом,
Так; он и без замка;
А я берусь открыть; да, да, уверен в этом;
Не смейтесь так исподтишка!
Я отыщу секрет и Ларчик вам открою:
В механике и я чего-нибудь да стою».

Вот за Ларец принялся он:

Верти́т его со всех сторон

И голову свою ломает;

То гвоздик, то другой, то скобку пожимает.

Тут, глядя на него, иной

Качает головой;

Те шепчутся, а те смеются меж собой.

В ушах лишь только отдаётся:

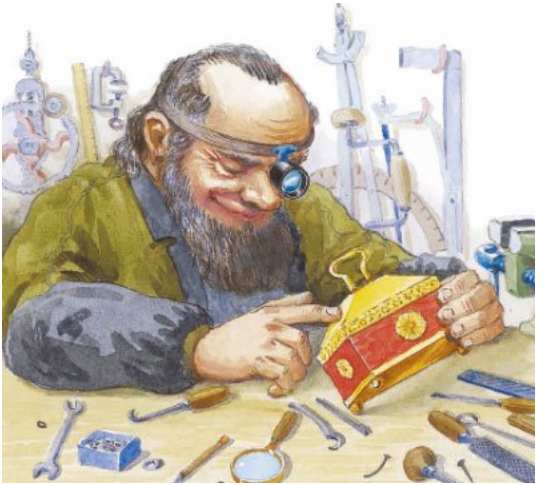
«Не тут, не так, не там!» Механик пуще рвётся.

Потел, потел; но, наконец, устал,

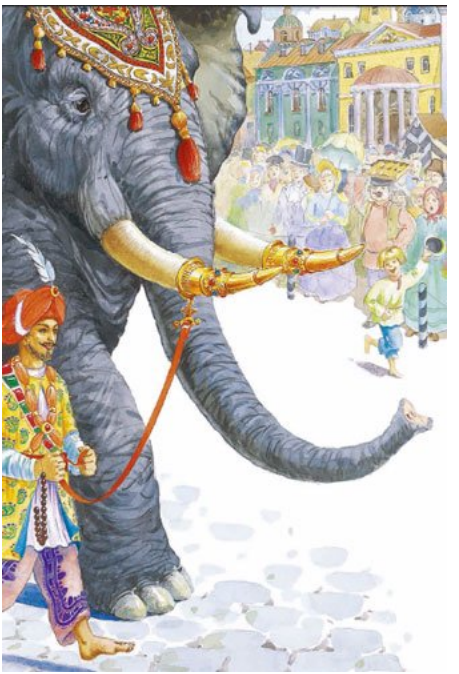
От Ларчика отстал

И, как открыть его, никак не догадался:

А Ларчик просто открывался.



Слон и Моська



По улицам Слона водили,
Как видно, напоказ —

Известно, что Слоны в диковинку у нас —

Так за Слоном толпы зевак ходили.

Отколе ни возьмись, навстречу Моська им.

Увидевши Слона, ну на него метаться,

И лаять, и визжать, и рваться,

Ну, так и лезет в драку с ним.

«Соседка, перестань срамиться, —

Ей шавка говорит, – тебе ль с Слоном возиться?

Смотри, уж ты хрипишь, а он себе идёт

Вперёд

И лаю твоего совсем не примечает». —

«Эх, эх! – ей Моська отвечает, —

Вот то-то мне и духу придаёт,

Что я, совсем без драки,

Могу попасть в большие забияки.

Пускай же говорят собаки:

«Ай, Моська! знать, она сильна,

Что лает на Слона!»

Квартет

Проказница-Мартышка,

Осёл,

Козёл

Да косолапый Мишка

Затеяли сыграть Квартет.

Достали нот, басá, альтá, две скрипки

И сели на лужок под липки, —

Пленять своим искусством свет.

Ударили в смычки, дерут, а толку нет.

«Стой, братцы, стой! – кричит Мартышка. —

Погодите!

Как музыке идти? Ведь вы не так сидите.

Ты с басом, Мишенька, садись против альта,

Я, прима, сяду против вторы[1]*;*

Тогда пойдёт уж музыка не та:

---

[1] Примечания: 1

Здесь: прúма — первая скрипка, втóра — вторая скрипка.

У нас запляшут лес и горы!»

Расселись, начали Квартет;

Он всё-таки на лад нейдет.

«Постойте ж, я сыскал секрет! —

Кричит Осёл, – мы, верно, уж поладим,

Коль рядом сядем».

Послушались Осла: уселись чинно в ряд;

А всё-таки Квартет нейдет на лад.

Вот пуще прежнего пошли у них разборы

И споры,

Кому и как сидеть.

Случилось Соловью на шум их прилететь.

Тут с просьбой все к нему, чтоб их решить сомненье.

«Пожалуй, – говорят, – возьми на час терпенье,

Чтобы Квартет в порядок наш привесть:

И ноты есть у нас, и инструменты есть,

Скажи лишь, как нам сесть!» —

«Чтоб музыкантом быть, так надобно уменье

И уши ваших понежней, —

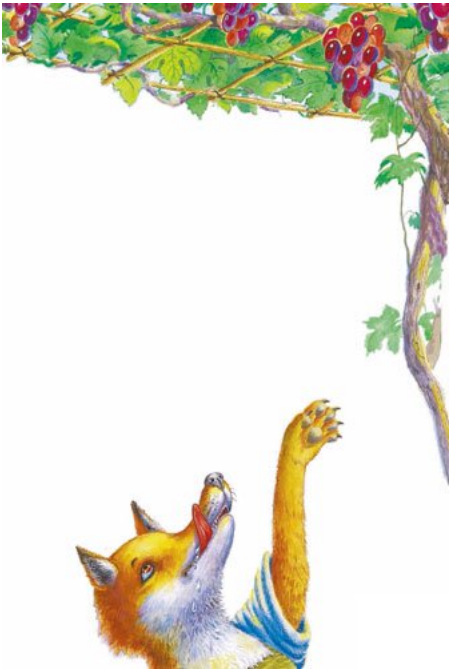
Им отвечает Соловей, —

А вы, друзья, как ни садитесь,

Всё в музыканты не годитесь».

Лисица и Виноград

Голодная кума Лиса залезла в сад;
В нём винограду кисти рделись.
У кумушки глаза и зубы разгорелись,
А кисти сочные, как яхонты, горят;
Лишь то беда, висят они высоко:
Отколь и как она к ним ни зайдёт,
Хоть видит око,
Да зуб неймёт.
Пробившись попусту час целой,
Пошла и говорит с досадою: «Ну, что ж!
На взгляд-то он хорош,
Да зелен – ягодки нет зрелой:
Тотчас оскомину набьёшь».



Ворона и Лисица

Уж сколько раз твердили миру,
Что лесть гнусна, вредна; но только всё не впрок,
И в сердце льстец всегда отыщет уголок.

Вороне где-то бог послал кусочек сыру;
На ель Ворона взгромоздясь,
Позавтракать было совсем уж собралась,
Да позадумалась, а сыр во рту держала.
На ту беду Лиса близёхонько бежала;
Вдруг сырный дух Лису остановил:
Лисица видит сыр, Лисицу сыр пленил.
Плутовка к дереву на цыпочках подходит;
Верти́т хвостом, с Вороны глаз не сводит
И говорит так сладко, чуть дыша:
«Голубушка, как хороша!

Ну что за шейка, что за глазки!

Рассказывать, так, право, сказки!

Какие пёрушки! какой носок!

И, верно, ангельский быть должен голосок!

Спой, светик, не стыдись! Что ежели, сестрица,

При красоте такой и петь ты мастерица, —

Ведь ты б у нас была царь-птица!»

Вещуньина с похвал вскружилась голова,

От радости в зобу дыханье спёрло,

И на приветливы Лисицыны слова

Ворона каркнула во всё воронье горло:

Сыр выпал – с ним была плутовка такова.

Свинья под Дубом

Свинья под Дубом вековым
Наелась желудей досы́та, до отвала;
Наевшись, выспалась под ним;
Потом, глаза продравши, встала
И рылом подрывать у Дуба корни стала.
«Ведь это дереву вредит, —
Ей с Дубу Ворон говорит, —
Коль корни обнажишь, оно засохнуть может». —
«Пусть сохнет, – говорит Свинья, —
Ничуть меня то не тревожит;
В нём проку мало вижу я;
Хоть век его не будь, ничуть не пожалею,
Лишь были б жёлуди: ведь я от них жирею». —
«Неблагодарная! – промолвил Дуб ей тут, —
Когда бы вверх могла поднять ты ры-

ло,
Тебе бы видно было,
Что эти жёлуди на мне растут».

Невежда также в ослепленье
Бранит науки и ученье,
И все учёные труды,
Не чувствуя, что он вкушает их плоды.

Волк и Ягнёнок

У сильного всегда бессильный виноват:

Тому в Истории мы тьму примеров слышим,

Но мы Истории не пишем;

А вот о том как в Баснях говорят.

Ягнёнок в жаркий день зашёл к ручью напиться;

И надобно ж беде случиться,

Что около тех мест голодный рыскал Волк.

Ягнёнка видит он, на добычу стремится;

Но, делу дать хотя законный вид и толк,

Кричит: «Как смеешь ты, наглец, нечистым рылом

Здесь чистое мутить питьё

Моё

С песком и с илом?

За дерзость такову

Я голову с тебя сорву». —

«Когда светлейший Волк позволит,

Осмелюсь я донесть, что ниже по ручью

От Светлости его шагов я на сто пью;

И гневаться напрасно он изволит:

Питья мутить ему никак я не могу». —

«Поэтому я лгу!

Негодный! слыхана ль такая дерзость в свете!

Да помнится, что ты ещё в запрошлом лете

Мне здесь же как-то нагрубил;

Я этого, приятель, не забыл!» —

«Помилуй, мне ещё и от роду нет году», —

Ягнёнок говорит. «Так это был твой брат». —

«Нет братьев у меня». – «Так это кум иль сват

И, словом, кто-нибудь из вашего же роду.

Вы сами, ваши псы и ваши пастухи,

Вы все мне зла хотите

И, если можете, то мне всегда вреди-те,

Но я с тобой за их разведаюсь[2] *грехи».*

—

«Ах, я чем виноват?» – «Молчи! устал я слушать,

Досуг мне разбирать вины́ твои, ще-нок!

Ты виноват уж тем, что хочется мне кушать».

Сказал и в тёмный лес Ягнёнка поволок.

[2] Примечания: 2

Разве́даться (устар.) — свести счёты, расквитаться.

Трудолюбивый Медведь

Увидя, что мужик, трудяся над дугá́ми,

Их прибыльно сбывает с рук

(А дуги гнут с терпеньем и не вдруг),

Медведь задумал жить такими же трудами.

Пошёл по лесу треск и стук,

И слышно за версту проказу.

Орешника, березника и вязу

Мой Мишка погубил несметное число,

А не даётся ремесло.

Вот и́дет к мужику он попросить совета

И говорит: «Сосед, что за причина эта?

Деревья-таки я ломать могу,

А не согнул ни одного в дугу.

Скажи, в чём есть тут главное уменье?» —

«В том, – отвечал сосед, —

Чего в тебе, кум, вовсе нет:
В терпенье».

Мышь и Крыса

«Соседка, слышала ль ты добрую молву? —
Вбежавши, Крысе Мышь сказала, —
Ведь кошка, говорят, попалась в когти льву?
Вот отдохнуть и нам пора настала!» —
«Не радуйся, мой свет, —
Ей Крыса говорит в ответ, —
И не надейся по-пустому!
Коль до когтей у них дойдет,
То, верно, льву не быть живому:
Сильнее кошки зверя нет!»

Я сколько раз видал, приметьте это сами:
Когда боится трус кого,
То думает, что на того
Весь свет глядит его глазами.

KOTZ

Осёл и Соловей

Осёл увидел Соловья

И говорит ему: «Послушай-ка, дружище!

Ты, сказывают, петь великий мастерище.

Хотел бы очень я

Сам посудить, твоё услышав пенье,

Вели́ко ль подлинно твоё уменье?»

Тут Соловей являть своё искусство стал:

Защёлкал, засвистал

На тысячу ладов, тянул, переливался;

То нежно он ослабевал

И томной вдалеке свирелью отдавался,

То мелкой дробью вдруг по роще рассыпа́лся.

Внимало всё тогда

Любимцу и певцу Авроры[3]*:*

---

[3] Примечания: 3

Авро́ра — в древнеримской мифологии богиня утренней зари.

Затихли ветерки, замолкли птичек хоры,

И прилегли стада.

Чуть-чуть дыша, пастух им любовался

И только иногда,

Внимая Соловью, пастушке улыбался.

Скончал певец. Осёл, уставясь в землю лбом:

«Изрядно, – говорит, – сказать неложно,

Тебя без скуки слушать можно;

А жаль, что незнаком

Ты с нашим петухом;

Ещё б ты боле навострился,

Когда бы у него немножко поучился».

Услыша суд такой, мой бедный Соловей

Вспорхнул и – полетел за тридевять полей.

Избави бог и нас от этаких судей.

Щука и Кот

Беда, коль пироги начнёт печи́ сапожник,

А сапоги тачать пирожник,

И дело не пойдёт на лад.

Да и примечено стократ,

Что кто за ремесло чужое браться любит,

Тот завсегда других упрямей и вздорней:

Он лучше дело всё погубит

И рад скорей

Посмешищем стать света,

Чем у честны́х и знающих людей

Спросить иль выслушать разумного совета.

Зубастой Щуке в мысль пришло

За ко́шачье приняться ремесло.

Не знаю: завистью ль её лукавый мучил,

Иль, может быть, ей рыбный стол наскучил?

Но только вздумала Кота она просить,

Чтоб взял её с собой он на охоту,

Мышей в анбаре половить.

«Да, полно, знаешь ли ты эту, свет, работу? —

Стал Щуке Васька говорить. —

Смотри, кума, чтобы не осрамиться:

Недаром говорится,

Что дело мастера боится». —

«И, полно, куманёк! Вот невидаль: мышей!

Мы лавливали и ершей». —

«Так в добрый час, пойдём!» Пошли, засели.

Натешился, наелся Кот,

И кумушку проведать он идёт;

А Щука, чуть жива, лежит, разинув рот, —

И крысы хвост у ней отъели.

Тут видя, что куме совсем не в силу труд,

Кум замертво стащил её обратно в пруд.

И дельно! Это, Щука,

Тебе наука:

Вперёд умнее быть

И за мышами не ходить.

Туча

Над изнурённою от зноя стороною
Большая Туча пронеслась;
Ни каплею её не освежа одною,
Она большим дождём над морем пролилась
И щедростью своей хвалилась пред Горою.
«Что́ сделала добра
Ты щедростью такою? —
Сказала ей Гора. —
И как смотреть на то не больно!
Когда бы на поля свой дождь ты пролила,
Ты б область целую от голода спасла:
А в море без тебя, мой друг, воды довольно».

Осёл и Мужик

Мужик на лето в огород

Наняв Осла, приставил

Ворон и воробьёв гонять нахальный род.

Осёл был самых честных правил:

Ни с хищностью[4], ни с кражей незнаком,

Не поживился он хозяйским ни листком

И птицам, грех сказать, чтобы давал потачку;

Но Мужику барыш был с огорода плох.

Осёл, гоняя птиц, со всех ослиных ног,

По всем грядам и вдоль и поперёк

Такую поднял скачку,

Что в огороде всё примял и притоптал.

Увидя тут, что труд его пропал,

---

[4] Примечания: 4
Хищность — здесь: воровство, хищение.

Крестьянин на спине ослиной

Убыток выместил дубиной.

«И ни́што![5] – все кричат, – скотине поделом!

С его ль умом

За это дело браться?»

А я скажу, не с тем, чтоб за Осла вступаться;

Он, точно, виноват (с ним сделан и расчёт),

Но, кажется, не прав и тот,

Кто поручил Ослу стеречь свой огород.

---

[5] Примечания: 5

Ништо́ (устар.). — Так (ему) и надо! Поделом!

Волк и Кот

Волк и́з лесу в деревню забежал,

Не в гости, но живот спасая;

За шкуру он свою дрожал:

Охотники за ним гнались и гончих стая.

Он рад бы в первые тут шмыгнуть воротá,

Да то лишь горе,

Что все воро́та на запоре.

Вот видит Волк мой на заборе

Кота

И молит: «Васенька, мой друг! скажи скорее,

Кто здесь из мужичков добрее,

Чтобы укрыть меня от злых моих врагов?

Ты слышишь лай собак и страшный звук рогов!

Всё это ведь за мной». – «Проси скорей Степана;

Мужик предобрый он», – Кот Васька говорит.

«То так; да у него я ободрал барана». —

«Ну, попытайся ж у Демьяна». —

«Боюсь, что на меня и он сердит:

Я у него унёс козлёнка». —

«Беги ж, вон там живёт Трофим». —

«К Трофиму? Нет, боюсь и встретиться я с ним:

Он на меня с весны грозится за ягнёнка!» —

«Ну, плохо ж! Но авось тебя укроет Клим!» —

«Ох, Вася, у него зарезал я телёнка!» —

«Что вижу, кум! Ты всем в деревне насолил, —

Сказал тут Васька Волку, —

Какую ж ты себе защиту здесь сулил?

Нет, в наших мужичках не столько мало толку,

Чтоб на свою беду тебя спасли они.

И правы, – сам себя вини:

Что ты посеял – то и жни».

Демьянова уха

«Соседушка, мой свет!

Пожалуйста, покушай». —

«Соседушка, я сыт по горло». – «Ну́жды нет,

Ещё тарелочку; послушай:

Ушица, ей-же-ей, на славу сварена!» —

«Я три тарелки съел». – «И, полно, что за счёты:

Лишь стало бы охоты,

А то во здравье: ешь до дна!

Что́ за уха! Да как жирна:

Как будто янтарём подёрнулась она.

Потешь же, миленький дружочек!

Вот лещик, потроха, вот стерляди кусочек!

Ещё хоть ложечку! Да кланяйся, жена!»

—

Так потчевал сосед Демьян соседа Фоку

И не давал ему ни отдыху, ни сроку;

А с Фоки уж давно катился градом пот.

Однако же ещё тарелку он берёт:

Сбирается с последней силой

И – очищает всю. «Вот друга я люблю!

—

Вскричал Демьян. – Зато уж чванных не терплю.

Ну, скушай же ещё тарелочку, мой милой!»

Тут бедный Фока мой,

Как ни любил уху, но от беды такой,

Схватя в охапку

Кушак и шапку,

Скорей без памяти домой —

И с той поры к Демьяну ни ногой.

Писатель, счастлив ты, коль дар прямой имеешь;
Но если помолчать вовре́мя не умеешь
И ближнего ушей ты не жалеешь,
То ведай, что твои и проза и стихи
Тошнее будут всем Демьяновой ухи.

Кот и Повар

Какой-то Повар, грамотей,
С поварни побежал своей
В кабак (он набожных был правил
И в этот день по ку́ме тризну правил),
А дома стереги́ съестное от мышей
Кота оставил.
Но что же, возвратясь, он видит? На полу
Объедки пирога; а Васька Кот в углу,
Припав за уксусным бочонком,
Мурлыча и ворча, труди́тся над курчонком.
«Ах ты, обжора! ах, злодей! —
Тут Ваську Повар укоряет, —
Не стыдно ль стен тебе, не только что людей?
(А Васька всё-таки курчонка убирает.)
Как! быв честным Котом до этих пор,
Бывало, за пример тебя смиренства

кажут, —
А ты… ахти, какой позор!
Теперя все соседи скажут:
«Кот Васька плут! Кот Васька вор!
И Ваську-де, не только что в поварню,
Пускать не надо и на двор,
Как волка жадного в овчарню:
Он порча, он чума, он язва здешних мест!»
(А Васька слушает, да ест.)
Тут ритор[6] *мой, дав волю слов теченью,*
Не находил конца нравоученью.
Но что ж? Пока его он пел,
Кот Васька всё жаркое съел.
А я бы повару иному
Велел на стенке зарубить:
Чтоб там речей не тратить по-пустому,
Где нужно власть употребить.

---

[6] Примечания: 6

Ри́тор (устар.) — тот, кто говорит пышными и бессмысленными фразами.

Петух и Жемчужное Зерно

Навозну кучу разрывая,

Петух нашёл Жемчужное Зерно

И говорит: «Куда оно?

Какая вещь пустая!

Не глупо ль, что его высóко так ценят?

А я бы, право, был гораздо боле рад

Зерну Ячменному: оно не столь хоть видно,

Да сытно».

Невежи судят точно так:

В чём толку не поймут, то всё у них пустяк.

Зеркало и Обезьяна

Мартышка, в Зеркале увидя образ свой,

Тихохонько Медведя толк ногой:

«Смотри-ка, – говорит, – кум милый мой!

Что это там за рожа?

Какие у неё ужимки и прыжки!

Я удавилась бы с тоски,

Когда бы на неё хоть чуть была похожа.

А ведь, признайся, есть

Из кумушек моих таких кривляк пять-шесть:

Я даже их могу по пальцам перечесть».—

«Чем кумушек считать трудиться,

Не лучше ль на себя, кума, оборотиться?» —

Ей Мишка отвечал.

Но Мишенькин совет лишь попусту пропал.

Таких примеров много в мире:

Не любит узнавать никто себя в сатире.

Я даже видел то вчера:

Что Климыч на руку нечист, все это знают;

Про взятки Климычу читают,

А он украдкою кивает на Петра.

Белка

В деревне, в праздник, под окном
Помещичьих хоро́м,
Народ толпился.
На Белку в колесе зевал он и дивился.
Вблизи с берёзы ей дивился тоже Дрозд:
Так бегала она, что лапки лишь мелькали
И раздувался пышный хвост.
«Землячка старая, – спросил тут Дрозд, – нельзя ли
Сказать, что́ делаешь ты здесь?» —
«Ох, милый друг! тружусь день весь:
Я по делам гонцом у барина большого;
Ну, некогда ни пить, ни есть,
Ни даже духу перевесть». —
И Белка в колесе бежать пустилась снова.
«Да, – улетая, Дрозд сказал, – то ясно мне,

Что ты бежишь, а всё на том же ты окне».

Посмотришь на дельца иного:
Хлопочет, мечется, ему дивятся все:
Он, кажется, из кожи рвётся,
Да только всё вперёд не подаётся,
Как Белка в колесе.

Филин и Осёл

Слепой Осёл в лесу с дороги сбился

(Он в дальний путь было пустился).

Но к ночи в чащу так забрёл мой сумасброд,

Что двинуться не мог ни взад он, ни вперёд.

И зрячему бы тут не выйти из хлопот,

Но Филин вблизости, по счастию, случился

И взялся быть Ослу проводником.

Все знают, Филины как ночью зорки:

Стремнины, рвы, бугры, пригорки,

Всё это различал мой Филин будто днём

И к утру выбрался на ровный путь с Ослом.

Ну, как с проводником таким расстаться?

Вот просит Филина Осёл, чтоб с ним остаться,

И вздумал изойти он с Филином весь свет.

Мой Филин господином

Уселся на хребте Ослином,

И стали путь держать; счастливо ль только?

Нет:

Лишь солнце на небе поутру заиграло,

У Филина в глазах темнее ночи стало.

Однако ж Филин мой упрям;

Ослу советует и вкось и впрям.

«Остерегись! – кричит, – направо будем в луже».

Но лужи не было, а влево вышло хуже.

«Ещё левей возьми, ещё левее шаг!»

И – бух Осёл, и с Филином, в овраг.

Щука

На Щуку подан в суд донос,
Что от неё житья в пруде не стало;
Улик представлен целый воз,
И виноватую, как надлежало,
На суд в большой лохани принесли.
Судьи́ невдалеке сбирались;
На ближнем их лугу пасли;
Однако ж имена в архиве их остались:
То были два Осла,
Две Клячи старые, да два иль три Козла;
Для должного ж в порядке дел надзора
Им придана была Лиса за Прокурора.
И слух между народа шёл,
Что Щука Лисыньке снабжала рыбный стол;
Со всем тем, не было в судьях лицеприязни[7],

---

[7] Примечания: 7
Лицеприя́знь (устар.) — пристрастное отношение.

И то сказать, что Щукиных проказ
Удобства не было закрыть на этот раз.
Так делать нечего: пришло писать указ,
Чтоб виноватую предать позорной казни
И, в страх другим, повесить на суку.
«Почтенные судьи́! – Лиса тут приступила,—
Повесить мало, я б ей казнь определила,
Какой не видано у нас здесь на веку:
Чтоб было впредь плута́м и страшно и опасно —
Так утопить её в реке». – «Прекрасно!» —
Кричат судьи́. На том решили все согласно,
И Щуку бросили – в реку́!

Листы и Корни

В прекрасный летний день,
Бросая по долине тень,
Листы на дереве с зефирами шептали,
Хвалились густотой, зелёностью своей
И вот как о себе зефирам толковали:
«Не правда ли, что мы краса долины всей?
Что нами дерево так пышно и кудряво,
Раскидисто и величаво?
Что б было в нём без нас? Ну, право,
Хвалить себя мы можем без греха!
Не мы ль от зноя пастуха
И странника в тени прохладной укрываем?
Не мы ль красивостью своей
Плясать сюда пастушек привлекаем?
У нас же раннею и позднею зарей
Насвистывает соловей.

Да вы, зефиры[8], сами

Почти не расстаётесь с нами». —

«Примолвить можно бы спасибо тут и нам», —

Им голос отвечал из-под земли смиренно.

«Кто смеет говорить столь нагло и надменно!

Вы кто такие там,

Что дерзко так считаться с нами стали?» —

Листы, по дереву шумя, залепетали.

«Мы те, —

Им снизу отвечали, —

Которые, здесь роясь в темноте,

Питаем вас. Ужель не узнаёте?

Мы корни дерева, на коем вы цветёте.

Красуйтесь в добрый час!

Да только помните ту разницу меж нас:

Что с новою весной лист новый наро-

---

[8] Примечания: 8

Зефи́р (поэт., устар.) — лёгкий ветер. Происходит от имени древнегреческого бога западного ветра.

дится
А если корень иссушится, —
Не станет дерева, ни вас».

Скворец

У всякого талант есть свой.
Но часто, на успех прельщаяся чужой,
Хватается за то иной,
В чём он совсем не годен.
А мой совет такой:
Берись за то, к чему ты сроден,
Коль хочешь, чтоб в делах успешный был конец.

Какой-то смолоду Скворец
Так петь щеглёнком научился,
Как будто бы щеглёнком сам родился.
Игривым голоском весь лес он веселил.
И всякий Скворушку хвалил.
Иной бы был такой доволен частью;
Но Скворушка услышь, что хвалят соловья, —
А Скворушка завистлив был, к несчастью, —
И думает: «Постойте же, друзья,

Спою не хуже я

И соловьиным ладом».

И подлинно запел,

Да только лишь совсем особым складом:

То он пищал, то он хрипел,

То верещал козлёнком,

То не путём Мяукал он котёнком;

И, словом, разогнал всех птиц своим пеньём.

Мой милый Скворушка, ну, что́ за прибыль в том?

Пой лучше хорошо щеглёнком,

Чем дурно соловьём.

Любопытный

«Приятель дорогой, здоро́во! Где ты был?» —

«В Кунсткамере, мой друг! Часа там три ходил;

Всё видел, высмотрел; от удивленья,

Поверишь ли, не станет ни уменья

Пересказать тебе, ни сил.

Уж подлинно, что там чудес палата!

Куда на выдумки природа торовата!

Каких зверей, каких там птиц я не видал!

Какие бабочки, букашки,

Козявки, мушки, таракашки!

Одни как изумруд, другие как коралл!

Какие крохотны коровки!

Есть, право, менее булавочной головки!» —

«А видел ли слона? Каков собой на взгляд!

Я чай, подумал ты, что гору встре-

тил?» —

«Да разве там он?» – «Там». – «Ну, братец, виноват:

Слона-то я и не приметил».

Волк и Журавль

Что волки жáдны, всякий знает:

Волк, евши, никогда

Костей не разбирает.

За то на одного из них пришла беда:

Он костью чуть не подавился.

Не может Волк ни охнуть, ни вздохнуть;

Пришло хоть ноги протянуть!

По счастью, близко тут Журавль случился.

Вот кой-как знаками стал Волк его манить

И просит горю пособить.

Журавль свой нос по шею

Засунул к Волку в пасть и с трудностью большею

Кость вытащил и стал за труд просить.

«Ты шутишь! – зверь вскричал коварный,—

Тебе за труд? Ах ты, неблагодарный!
А это ничего, что свой ты долгий нос
И с глупой головой из горла цел унёс!
Поди ж, приятель, убирайся,
Да берегись: вперёд ты мне не попадайся».

Мешок

В прихожей на полу,
В углу,
Пустой мешок валялся.
У самых низких слуг
Он
на обтирку ног нередко помыка́лся[9]*;*
Как вдруг
Мешок наш в честь попался
И, весь червонцами набит,
В окованном ларце в сохранности лежит.
Хозяин сам его лелеет,
И бережёт Мешок он так,
Что на него никак
Ни ветер не пахнёт, ни муха сесть не смеет;
А сверх того с Мешком
Весь город стал знаком.

---

[9] Примечания: 9
Здесь: использовался против воли.

Приятель ли к хозяину приходит:
Охотно о Мешке речь ласкову заводит;
А ежели Мешок открыт,
То всякий на него умильно так глядит;
Когда же кто к нему подсядет,
То верно уж его потреплет иль погладит.
Увидя, что у всех он стал в такой чести,
Мешок завеличался,
Заумничал, зазнался,
Мешок заговорил и начал вздор нести;
О всём и рядит он и судит:
И то не так,
И тот дурак,
И из того-то худо будет.
Все только слушают его, разинув рот;
Хоть он такую дичь несёт,
Что уши вянут:
Но у людей, к несчастью, тот порок,
Что им с червонцами Мешок
Что́ ни скажи, всему дивиться станут.

Две Собаки

Дворовый верный пёс
Барбос,

Который барскую усердно службу нёс,
Увидел старую свою знакомку,
Жужу́, кудрявую болонку,
На мягкой пуховой подушке, на окне.
К ней ластяся, как будто бы к родне,
Он, с умиленья, чуть не плачет
И под окном
Визжит, верти́т хвостом
И скачет.
«Ну что, Жужутка, как живёшь,
С тех пор как господа тебя в хоромы взяли?
Ведь помнишь: на дворе мы часто голодали.
Какую службу ты несёшь?» —
«На счастье грех роптать, – Жужутка отвечает, —
Мой господин во мне души не чает;
Живу в довольстве и добре,
И ем, и пью на серебре;
Резвлюся с барином; а ежели устану,
Валяюсь по коврам и мягкому дивану.

Ты как живёшь?» – «Я, – отвечал Барбос,

Хвост плетью опустя и свой повеся нос, —

Живу по-прежнему: терплю и холод,

И голод,

И, сберегаючи хозяйский дом,

Здесь под забором сплю и мокну под дождём;

А если невпопад залаю,

То и побои принимаю.

Да чем же ты, Жужу, в случа́й попал[10],

Бессилен бывши так и мал,

Меж тем как я из кожи рвусь напрасно?

Чем служишь ты?» – «Чем служишь! Вот прекрасно!—

С насмешкой отвечал Жужу. —

На задних лапках я хожу».

Как счастье многие находят

---

[10] Примечания: 10

Попасть в случа́й (устар.) — оказаться удачливым благодаря покровительству.

Лишь тем, что хорошо на задних лапках ходят!

Водопад и Ручей

Кипящий Водопад, свергаяся со скал,
Целебному ключу с надменностью сказал
(Который под горой едва лишь был приметен,
Но силой славился лечебною своей):
«Не странно ль это? Ты так мал, водой так беден,
А у тебя всегда премножество гостей?
Не мудрено, коль мне приходит кто дивиться;
К тебе зачем идут?» – «Лечиться», —
Смиренно прожурчал Ручей.

Тришкин кафтан

У Тришки на локтях кафтан продрался.
Что долго думать тут? Он за иглу принялся:
По четверти обрезал рукавов —
И локти заплатил. Кафтан опять готов;
Лишь на́ четверть голее руки стали.
Да что до этого печали?
Однако же смеётся Тришке всяк,
А Тришка говорит: «Так я же не дурак
И ту беду поправлю:
Длиннее прежнего я рукава наставлю».
О, Тришка малый не простой!
Обрезал фалды он и полы,
Наставил рукава, и весел Тришка мой,
Хоть носит он кафтан такой,
Которого длиннее и камзолы.

Таким же образом, видал я, иногда

Иные господа,

Запутавши дела, их поправляют,

Посмотришь: в Тришкином кафтане щеголяют.

Чиж и Голубь

Чижа захлопнула злодейка-западня:
Бедняжка в ней и рвался, и метался,
А Голубь молодой над ним же издевался.
«Не стыдно ль, – говорит, – средь бела дня
Попался!
Не провели бы так меня:
За это я ручаюсь смело».
Ан, смотришь, тут же сам запутался в силок.
И дело!
Вперёд чужой беде не смейся, Голубок.

Бумажный Змей

Запущенный под облака,

Бумажный Змей, приметя свысока

В долине мотылька,

«Поверишь ли! – кричит, – чуть-чуть тебя мне видно;

Признайся, что тебе завидно

Смотреть на мой высокий столь полёт». —

«Завидно? Право, нет!

Напрасно о себе ты много так мечтаешь!

Хоть высоко, но ты на привязи летаешь.

Такая жизнь, мой свет,

От счастия весьма далёко;

А я, хоть, правда, невысоко,

Зато лечу

Куда хочу;

Да я же так, как ты, в забаву для другого,

Пустого
Век целый не трещу».

Волк на псарне

Волк ночью, думая залезть в овчарню,
Попал на псарню.
Поднялся вдруг весь псарный двор.
Почуя серого так близко забияку,
Псы залились в хлевах и рвутся вон на драку;
Псари кричат: «Ахти, ребята, вор!» —
И вмиг ворота на запор;
В минуту псарня стала адом.
Бегут: иной с дубьём,
Иной с ружьём.
«Огня! – кричат; – огня!» Пришли с огнём.
Мой Волк сидит, прижавшись в угол задом,
Зубами щёлкая и ощетиня шерсть,
Глазами, кажется, хотел бы всех он съесть;
Но, видя то, что тут не перед стадом,

И что приходит, наконец,

Ему расчесться за овец,—

Пустился мой хитрец

В переговоры

И начал так: «Друзья! К чему весь этот шум?

Я, ваш старинный сват и кум,

Пришёл мириться к вам, совсем не ради ссоры;

Забудем прошлое, уставим общий лад!

А я не только впредь не трону здешних стад,

Но сам за них с другими грызться рад

И волчьей клятвой утверждаю,

Что я…» – «Послушай-ка, сосед,—

Тут ловчий перервал в ответ,—

Ты сер, а я, приятель, сед,

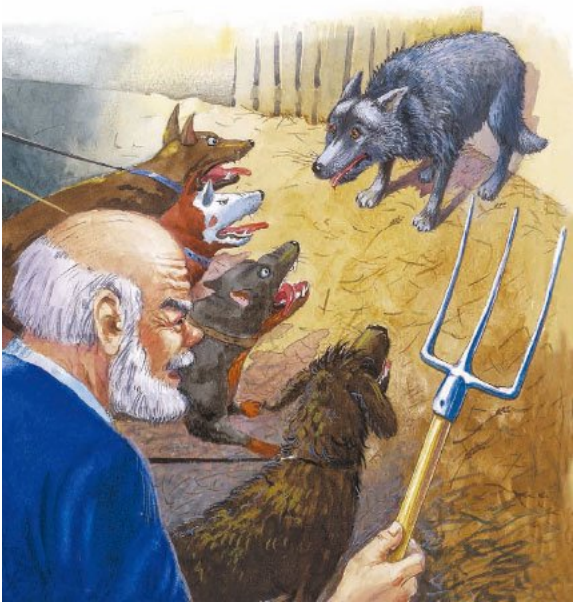
И волчью вашу я давно натуру знаю;

А потому обычай мой:

С волками и́наче не делать мировой,

Как снявши шкуру с них долой».

И тут же выпустил на Волка гончих стаю.



Обезьяна

Как хочешь ты трудись;
Но приобресть не льстись
Ни благодарности, ни славы,
Коль нет в твоих трудах ни пользы, ни забавы.

Крестьянин на заре с сохой
Над полосой своей трудился;
Трудился так крестьянин мой,
Что градом пот с него катился:
Мужик работник был прямой.
Зато, кто мимо ни проходит,
От всех ему: спасибо, исполать![11]
Мартышку это в зависть вводит.
Хвалы приманчивы, – как их не пожелать!
Мартышка вздумала трудиться:
Нашла чурбан, и ну над ним возиться!

---

[11] Примечания: 11
Испола́ть (устар.) — хвала, слава.

Хлопот

Мартышке полон рот:

Чурбан она то понесёт,

То так, то сяк его обхватит,

То поволо́чет, то покатит;

Рекой с бедняжки льётся пот;

И, наконец, она, пыхтя, насилу дышит:

А всё ни от кого похвал себе не слышит.

И не диковинка, мой свет!

Т рудишься много ты, да пользы в этом нет.

Пчела и Мухи

Две Мухи собрались лететь в чужие край

И стали подзывать с собой туда Пчелу:

Им насказали попугаи

О дальних сторонах большую похвалу.

Притом же им самим казалося обидно,

Что их, на родине своей,

Везде гоняют из гостей;

И даже до чего (ка́к людям то не стыдно,

И что они за чудаки!):

Чтоб поживиться им не дать сластями

За пышными столами,

Придумали от них стеклянны колпаки;

А в хижинах на них злодеи пауки.

«Путь добрый вам, – Пчела на это отвечала, —

А мне

И на моей приятно стороне.

От всех за соты я любовь себе сыскала —

От поселян и до вельмож.

Но вы летите,

Куда хотите!

Везде вам будет счастье то ж:

Не будете, друзья, нигде, не быв полезны,

Вы ни почтенны, ни любезны.

А рады пауки лишь будут вам

И там».

Кто с пользою отечеству труди́тся,

Тот с ним легко не разлучится;

А кто полезным быть способности лишён,

Чужая сторона тому всегда приятна:

Не бывши гражданин, там мене презрен он,

И никому его там праздность не досадна.

Волк и Лисица

Охотно мы дари́м,

Что нам не надобно самим.

Мы это басней поясним,

Затем, что истина сноснее вполотк-рыта.

Лиса, курятинки накушавшись досы́та

И добрый ворошок припрятавши в запас,

Под стогом прилегла вздремнуть в вечерний час.

Глядит, а в гости к ней голодный Волк тащится.

«Что, кумушка, беды! – он говорит. —

Ни косточкой не мог нигде я поживиться;

Меня так голод и морит;

Собаки злы, пастух не спит,

Пришло хоть удавиться!» —

«Неужли?» – «Право так». – «Бедняжка куманёк!

Да не изволишь ли сенца? Вот целый стог:

Я куму услужить готова».

А куму не сенца, хотелось бы мяснова —

Да про запас Лиса ни слова.

И серый рыцарь мой,

Обласкан по уши кумой,

Пошёл без ужина домой.

Обоз

С горшками шёл Обоз,

И надобно с крутой горы спускаться.

Вот, на горе других оставя дожидаться,

Хозяин стал сводить легонько первый воз.

Конь добрый на крестце почти его понёс,

Катиться возу не давая;

А лошадь сверху, молодая,

Ругает бедного коня за каждый шаг:

«Ай, конь хвалёный, то-то диво!

Смотрите: лепится, как рак;

Вот чуть не зацепил за камень; косо! криво!

Смелее! Вот толчок опять.

А тут бы влево лишь принять.

Какой осёл! Добро бы было в гору

Или в ночную пору, —

А то и по́д гору, и днём!

Смотреть, так выйдешь из терпенья!

Уж воду бы таскал, коль нет в тебе уменья!

Гляди-тко нас, как мы махнём!

Не бойсь, минуты не потратим,

И возик свой мы не свезём, а скатим!»

Тут, выгнувши хребет и понатужа грудь,

Тронулася лошадка с возом в путь;

Но только по́д гору она перевалилась,

Воз начал напирать, телега раскатилась;

Коня толкает взад, коня кидает вбок;

Пустился конь со всех четырёх ног

На славу;

По ка́мням, рытвинам пошли толчки,

Скачки,

Левей, левей, и с возом – бух в канаву!

Прощай, хозяйские горшки!

Как в людях многие имеют слабость ту же:

Всё кажется в другом ошибкой нам;
А примешься за дело сам,
Так напроказишь вдвое хуже.

Слон на воеводстве

Кто знатен и силён,

Да не умён,

Так худо, ежели и с добрым сердцем он.

На воеводство был в лесу посажен Слон.

Хоть, кажется, слонов и умная порода,

Однако же в семье не без урода:

Наш Воевода

В родню был толст,

Да не в родню был прост;

А с умыслу он мухи не обидит.

Вот добрый Воевода видит —

Вступило от овец прошение в Приказ[12]*:*

«Что волки-де совсем сдирают кожу с нас». —

«О плу́ты! – Слон кричит, – какое преступленье!

---

[12] Примечания: 12
Приказ — в старину на Руси учреждение.

Кто грабить дал вам позволенье?»

А волки говорят: «Помилуй, наш отец!

Не ты ль нам к зи́ме на тулупы

Позволил лёгонький оброк собрать с овец?

А что они кричат, так овцы глупы:

Всего-то при́дет с них с сестры по шкурке снять;

Да и того им жаль отдать». —

«Ну, то-то ж, – говорит им Слон, – смотрите!

Неправды я не потерплю ни в ком:

По шкурке, так и быть, возьмите;

А больше их не троньте волоском».

Синица

Синица на море пустилась:

Она хвалилась,

Что хочет море сжечь.

Расславилась тотчас о том по свету речь.

Страх обнял жителей Нептуновой столицы[13]*;*

Летят стадами птицы;

А звери из лесов сбегаются смотреть,

Как будет Океан и жарко ли гореть.

И даже, говорят, на слух молвы крылатой,

Охотники таскаться по пирам

Из первых с ложками явились к берегам,

Чтоб похлебать ухи такой богатой,

Какой-де откупщи́к и самый торовато́й

---

[13] Примечания: 13

Нептунова столица — образно: море. Нептун — древнеримский бог моря.

Не давывал секретарям.
Толпятся: чуду всяк заранее дивится,
Молчит и, на море глаза уставя, ждёт;
Лишь изредка иной шепнёт:
«Вот закипит, вот тотчас загорится!»
Не тут-то: море не горит.
Кипит ли хоть? – и не кипит.
И чем же кончились затеи величавы?
Синица со стыдом всвояси уплыла;
Наделала Синица славы,
А море не зажгла.

Примолвить к речи здесь годится,
Но ничьего не трогая лица:
Что делом, не сведя конца,
Не надобно хвалиться.

Свинья

Свинья на барский двор когда-то затесалась;

Вокруг конюшен там и кухонь наслонялась;

В сору, в навозе извалялась;

В помоях по уши досы́та накупалась;

И из гостей домой

Пришла свинья свиньёй.

«Ну, что ж, Хавронья, там ты видела такого? —

Свинью спросил пастух. —

Ведь и́дет слух,

Что всё у богачей лишь бисер да жемчу́г;

А в доме так одно бога́тее другого?»

Хавронья хрюкает: «Ну, право, порют вздор.

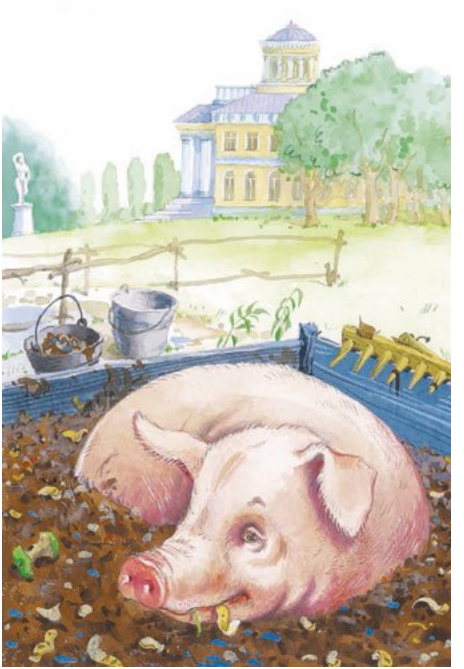
Я не приметила богатства никакого:

Всё только лишь навоз да сор;

А, кажется, уж, не жалея рыла,

Я там изрыла
Весь задний двор».

Не дай бог никого сравненьем мне обидеть!
Но как же критика Хавроньей не назвать,
Который, что ни станет разбирать,
Имеет дар одно худое видеть?



Лебедь, Щука и Рак

Когда в товарищах согласья нет,
На лад их дело не пойдёт,
И выйдет из него не дело, только мука.

Однажды Лебедь, Рак да Щука
Везти с поклажей воз взялись,
И вместе трое все в него впряглись;
Из кожи лезут вон, а возу всё нет ходу!
Поклажа бы для них казалась и легка:
Да Лебедь рвётся в облака,
Рак пятится назад, а Щука тянет в воду.
Кто виноват из них, кто прав, – судить не нам;
Да только воз и ныне там.

Собака и Лошадь

У одного крестьянина служа,

Собака с Лошадью считаться как-то стали.

«Вот, – говорит Барбос, – большая госпожа!

По мне, хоть бы тебя совсем с двора согнали.

Вели́ка вещь возить или пахать!

Об удальстве твоём другого не слыхать:

И можно ли тебе равняться в чём со мною?

Ни днём, ни ночью я не ведаю покою:

Днём стадо под моим надзором на лугу,

А ночью дом я стерегу». —

«Конечно, – Лошадь отвечала, —

Твоя правдива речь;

Однако же, когда б я не пахала,

То нечего б тебе здесь было и стеречь».

Кукушка и Орёл

Орёл пожаловал Кукушку в Соловьи.

Кукушка в новом чине,

Усевшись важно на осине,

Таланты в музыке свои

Выказывать пустилась:

Глядит – все прочь летят,

Одни смеются ей, а те её бранят.

Моя Кукушка огорчилась,

И с жалобой на птиц к Орлу спешит она.

«Помилуй! – говорит, – по твоему веленью

Я Соловьём в лесу здесь названá;

А моему смеяться смеют пенью!» —

«Мой друг! – Орёл в ответ, – я царь, но я не бог.

Нельзя мне от беды твоей тебя избавить.

Кукушку Соловьём честить я мог заставить;

Но сделать Соловьём Кукушку я не мог».

